

«ЕСЛИ КОНФЛИКТ РЕШИТ ПРОБЛЕМУ, ТО В НЕГО НУЖНО ИДТИ»

КОЛИЧЕСТВО СУДЕБНЫХ СПОРОВ В РОССИИ РАСТЕТ, НО НЕ СТОИТ ВОСПРИНИМАТЬ ЭТО КАК НЕГАТИВНУЮ ТЕНДЕНЦИЮ, ПОЛАГАЮТ ЭКСПЕРТЫ. СТАРШИЙ ПАРТНЕР ЮРИДИЧЕСКОЙ ФИРМЫ «S&K ВЕРТИКАЛЬ» КОНСТАНТИН КРУТИЛЬНИКОВ В ИНТЕРВЬЮ КОРРЕСПОНДЕНТУ ВГ КРИСТИНЕ НАУМОВОЙ РАССКАЗАЛ О МЕНТАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РОССИЙСКОГО БИЗНЕСА, О ПРИЧИНАХ КОРПОРАТИВНЫХ КОНФЛИКТОВ И О ТОМ, КАК ИХ ИЗБЕЖАТЬ.

BUSINESS GUIDE: Есть ли тенденция увеличения судебных споров в рамках корпоративных конфликтов? С чем это связано?

КОНСТАНТИН КРУТИЛЬНИКОВ: Если рассматривать судебную статистику, то количество корпоративных споров растет. Наши же собственные наблюдения показывают, что количество корпоративных конфликтов не уменьшается, последние 15 лет их число стабильно высокое. Я бы не сказал, что эти цифры означают усиление корпоративной борьбы или какой-то агрессивной составляющей в экономике. Корпоративный конфликт — это нормальное явление, в отличие от рейдерства или других преступных схем захвата собственности.

BG: Существуют ли возможности досудебного урегулирования конфликтов?

К. К.: Безусловно. Не так давно в одном деле мы смогли стороны убедить решить все до суда. И, несмотря на то, что общая стоимость активов, ставших причиной разбирательства, превышала \$500 млн, а противники были настроены очень жестко, все закончилось переговорами и миром. Просто мы достаточно четко объяснили сторонам, что к концу разбирательства \$500 млн могут легко превратиться в 500 млн рублей, и не из-за оплаты наших услуг, а потому, что бизнес может перестать функционировать.

Как ни парадоксально, иногда бывает и обратная ситуация. Одна из сторон может видеть улучшение своей корпоративной позиции и увеличение стоимости пакета акций именно через конфликт и судебный спор. Большинству людей по природе своей не хочется жить в состоянии войны, но я настоятельно рекомендую руководствоваться не эмоциями и комфортом, а жестким расчетом. Если конфликт с большой долей вероятности решит проблему и восстановит нарушенные права, то в него нужно идти без лишних переживаний. Примеров, когда люди теряли бизнес только лишь потому, что им не хотелось на некоторое время работать в условиях сугубо правового конфликта, предостаточно.

BG: Можно ли выделить самые «проблемные» отрасли?

К. К.: Помимо классических конфликтов, связанных с недвижимостью, сейчас мы наблюдаем повышенную конфликтность в банковском секторе, среди компаний — держателей госконтрактов, а также в корпоративных структурах, построенных с использованием офшорных схем.

BG: Есть ли тенденция к увеличению банкротств на фоне нестабильной экономической ситуации?

К. К.: Банкротство — это совершенно другая история, если в корпоративных конфликтах основные действующие лица — это акционеры и органы управления,

выяснение отношений происходит внутри компании, то в банкротстве главную роль играют кредиторы и арбитражный управляющий, права собственников бизнеса и менеджмента сильно ограничены. В нашей практике доля банкротных процессов растет быстрее, чем корпоративных споров. Мы это объясняем не только ростом долговых обязательств банкротов, но и более широкими возможностями закона о банкротстве по сравнению с корпоративными нормами в части перераспределения активов.

BG: Можно ли констатировать большое количество M&A-сделок на российском рынке в 2013–2014 годах? Почему? Как часто они сопровождаются конфликтами?

К. К.: Если сразу после кризиса 2008 года объем сделок рухнул, то последние несколько лет рынки стали показывать активность. Хорошо подготовленные M&A-сделки конфликтами, как правило, не сопровождаются, а вот сам корпоративный конфликт — хорошая возможность провести слияние или поглощение. Существуют компании, которые специализируются на корпоративных конфликтах, это их бизнес. Самая заметная в России — это компания «А1», инвестиционное подразделение «Альфа-Групп». Это называют бизнесом «специальных ситуаций», когда намеренно приобретаются акции у стороны корпоративного конфликта, потом спор различными способами завер-

шается, стоимость бизнеса увеличивается, а затем он продается.

BG: Есть ли у российского бизнеса особенности, может быть, ментальные, исторически сложившиеся, которые сказываются на корпоративных конфликтах?

К. К.: Прежде всего это активное участие правоохранительных органов в выяснении корпоративных отношений, когда противоборствующие стороны с поводом и без повода обращаются за уголовно-правовой защитой, обвиняя друг друга в рейдерстве и других преступлениях. Очень часто уголовные дела играют решающую роль в разрешении корпоративных конфликтов. Наверное, в трети конфликтов, которые мы вели, работа уголовного адвоката имела решающее значение. Вторая особенность — часто причиной корпоративных конфликтов становятся обстоятельства личного характера, неприязнь партнеров, когда совместный бизнес становится заложником выяснения личных отношений. Сейчас мы участвуем в конфликте акционеров российско-украинской компании, который начался с политического спора на не имеющую отношения к бизнесу тему. Тем не менее могу не без гордости сказать, что мы не раз в таких ситуациях брали на вооружение логику и здравый смысл и убеждали клиента прекратить бессмысленную войну. В таких историях очень важны позиции юристов со всех сторон, основная задача которых не раздувать конфликт, а юридически гасить его. Третья особенность — точка почти во всех крупных конфликтах ставится в зависимости от позиции крупных государственных чиновников, государство активно вовлечено в споры хозяйствующих субъектов, да и сам крупный бизнес всегда запрашивает мнение государства. С ответственностью могу утверждать, что несколько масштабных корпоративных конфликтов были прекращены благодаря сигналу сверху. Но что важно, правовая позиция все равно имела значение, и стороны просто попросили наконец прийти к какому-то решению. Если бы одна из сторон игнорировала правовой процесс, для нее все закончилось бы плачевно еще до выхода ситуации на государственный уровень.

BG: Какие громкие российские судебные дела вы можете упомянуть?

К. К.: В деле о «рейдерской атаке» в отношении сотового оператора «Смартс» судом поставлен вопрос о презюмировании убытков акционера, если в результате принятия обеспечительных мер акционеры лишаются возможности управлять компанией. Это означает, что «рейдеры», заявленными обеспечительными мерами парализующие работу предприятия, обязаны возмещать убытки